

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

СЕМАНТИКА ЭТНОНИМА *чудь* В КОМИ ЯЗЫКЕ

Abstract. The Semantics of the Ethnonym *чудь* in Komi

Dictionaries and text examples are used to analyse the senses of the word *чудь* in modern Komi and to define the diachronic relationships between those senses. By today, the word has become a polysemantic unit, while its original ethnic sense has faded making room for some new ones. Of the latter meanings, the pejorative and the poetic are of particular interest. So the word *чудь* has come to serve as a poetic synonym for ethnonym *komi*.

Keywords: Komi language, lexicology, lexicography, ethnonyms, polysemy, semantic developments, stylistic differentiation.

Введение

Выяснение семантического объема слова *чудь* в коми языке актуально как с точки зрения изучения этнонимов — специфического слоя онимической лексики, так и с точки зрения диахронного развития семантики словарного состава.

Этнонимы — это лексика, которая справедливо считается исторической, так как в названиях этнических образований заключены знания об окружающих, соседних и далеких народах, народностях, племенах и т. д. В ходе нашего исследования пейоративной лексики и пейоративных созначений было обращено внимание на одну особенность: в коми диалектах возникло довольно много отрицательнооценочных переносных значений на основе слов-этнонимов, об этом сделан доклад на симпозиуме по пермскому языкознанию в Ижевске в 2014 г. (Цыпанов 2015а : 334—342). В ходе дальнейшего сбора материала выяснилось, что в нормативных, наиболее полных словарях коми языка различные значения таких слов переданы неполно или же не переданы вообще. Все это напрямую относится к слову *чудь*.

Действительный семантический объем лексемы *чудь* не зафиксирован в лексикографических источниках и теоретических работах по коми лексикологии, хотя это типичное слово-полисемант. О важности изучения явления полисемии в диахронном аспекте уже говорилось при анализе семантики коми *поз*, удм. *пуз* (Цыпанов 2018 : 118—128). В последние десятилетия изучение полисемии связывается с функ-

циональными стилями, когнитивными трактовками содержательной стороны лексем (Мухортов 2014 : 11).

Фиксация слова *чудь* в лексикографических источниках

В словарях коми-пермяцкого литературного языка слово не приводится, хотя в диалектах оно так же широко бытует, как и в зырянских говорах. Практически во всех коми-пермяцких селах можно услышать предания про чудь или чудские ямы. В коми-пермяцких диалектах, по сообщению Е. Н. Федосеевой, словом *чуд*, не зафиксированным в словарях, обозначают нечистую силу, чертей, злых духов. В зырянских диалектах, кроме формы *чудь*, есть фонетические варианты *чуд*, *чуйд*, *чут*, *чудин*, *чудзим*, *чускай* (Туркин 1985 : 15), которые по значению не различаются. От основы *чудь* образован глагол *чудявны* 'совершать странные поступки, иметь ненормальное поведение'. Он в словарях тоже не зафиксирован. Из множества нормативных коми-русских словарей *чудь* фиксируется лишь в последнем по времени издания словаре 2000 г. (КРК). При анализе материала словарей автор статьи с удивлением обратил внимание на два фактора, не нашедших пока удовлетворительного объяснения.

Во-первых, слово в нормативных коми-русских двуязычных словарях до издания последнего наиболее полного КРК практически не фиксировалось. Составители этого словаря лексему представили крайне лаконично: *чуд*, *чудь* 'чудь, чудской': *чуд гу* 'чудские ямы, могилы'; *чуд кодь полысь* 'нелюдимый, дикий' (КРК 714). Так же слово представлено в последнем наиболее полном двухтомном словаре коми-зырянских диалектов: *чуд* [čud] лл. (Пор.) скр. сс. уд. 'чудь, чудской'; *чуд гу* скр. 'чудские ямы' (КСК II 732). Словари раскрывают не действительную семантику слова в речи носителей языка, а лишь его бытование в разных диалектах и источник заимствования — рус. *чудь*. Во-вторых, примечательно, что иные словари, составленные в том числе иностранцами, не владеющими коми языком как родным, дают намного более полную семантическую картину. Между тем в коми языке оно интересно тем, что имеет более широкую семантику, причем в диалектах лексема вообще не употребляется в исконном этническом значении, как в русском языке. Вряд ли кто из ныне говорящих по-коми знает, что русское слово обозначало древние эстонские племена или вообще прибалтийско-финские народы. Рассмотрим материалы словарей и семантику лексемы *чудь*, в диалектах также *чуд*.

1. Слово *чудь* в коми-русских словарях фиксируется поздно и явно неадекватно представлены его значения. Так, оно не отмечено в наиболее крупном рукописном русско-зырянском словаре XIX в., составленном под руководством Н. П. Попова, и в опубликованном в 1850 г. словаре коми языка П. И. Савvaitова. Г. С. Лыткин приводит в «Русско-зырянском словаре» *чудь* в словарной статье к *чудо*, причем вместе со словом *чудак*: рус. *чудо* — коми *шензян тор*, *адзыллытӧм*, *кыллытӧм*; рус. *чудакъ*, *чудь* ('странный, чужой') — коми *шензяна*, *мӧд муыс воан жӧз* (1931 : 352). Очевидно, в отнесении к рус. *чудо*, *чудеса* проявилась вторичная языковая ассоциативность у составителя, возникшая уже на основе знания русского языка. В «Коми-русском сло-

варе» 1961 г. *чудь* не вошло в словарь. Как уже отмечено, в коми-русском словаре 2000 г. значение слова определяется так же, как и в словарях русского языка: 'название некоторых прибалтийско-финских народов'. Слово в таком значении в коми языке употребляется очень редко лишь в научных и научно-популярных работах по истории и краеведению. Выделено в этом словаре и пейоративное значение 'нелюдимый, дикий, сторонящийся людей', узуальное у коми-зырян.

2. Больше внимания значению слова *чудь* уделено в коми диалектных словарях. Так, в ССКЗД представлено наиболее общее значение, отмеченное в коми народных преданиях, а также и пейоративное: л. скр. сс. *чуд*, вв *чудь* 'чудь, народ, живший, по преданию, на территории Коми края до прихода туда зырян'; скр. *чуд кодь*, вв *чудь кодь* 'нелюдимый, дикий, боязливый', скр. *чуд гу* 'чудские ямы' (ССКЗД 418). Такая подача семантики восходит еще к коми-немецкому словарю Ф. Й. Видемана, для сравнения: *t'sud'* 'Name für die alten Bewohner des Landes'; *t'sud' kod'* 'schüchtern, sheu, furchtsam, menschscheu' *t'sud' kod' lony* = *t'sud'myny* 'verbauern, menschscheu werden' (Wiedemann 1880 : 367).

Несколько иначе представлено значение слова в двухтомном коми-немецком словаре Д. Фокоша-Фукса, который выделяет два значения: 1 'какой-то народ', 2 'древний народ *чудь*', например: *t'sud'* 'ein Volk; das alte Volk der Tscuden'; *t'sud'-kod'* 'menschscheu, wild, scheu werden' (Fokos-Fuchs 1959 : 1111). Примечательно, что здесь пейоративное значение представлено в самостоятельной словарной статье.

Наиболее полная характеристика значений слова с указанием распространения созначений в диалектах дана в словаре Ю. Вихмана и Т. Уотилы: V I *t'sud'*, S L U P *t'sud'*: V 'ein Volk (es war wild, dumm; es verschwand so, dass es sich lebendig in der Erde begrub)', S 'ein Volk (es begrub sich in seinen Städten — wovon es noch Spuren gibt —, damit die Feinde seine Reichtümer nicht bekommen sollten)', L P 'ein altes Volk betr. Gegend', I 'ein Volk, das vormals auf dem Syrjänengebiete wohnte (es sprach Syrjänisch, es war heidnisch)', U 'ein unbekanntes Volk, das vormals auf dem Syrjänengebiete wohnte (die einen begruben sich in der Erde, die anderen flohen nach Norden; sie haben Grabhügel od. Kurgan mit Schätzen und Geld hinterlassen)'. V *te t'sud' kod'* 'du bist wie ein *t'sud'* (dumm, feig, wild)', S *t'sud kod'* 'Possenmacher', L *t'sud kod' šgd* 'Schwarz wie ein *t'sud* (< russ. *чудь*)' (Wichmann 1942 : 304—305). Авторы выделили шесть созначений, в том числе пейоративное. Они дают наиболее полную картину семантики слова ко времени сбора полевого материала финскими исследователями (Wichmann 1942 : 304—305). Тема чуди была для них близка и интересна. Напомним, что Ю. Вихман первым из лингвистов написал и опубликовал в 1920 г. статью о карельских заимствованиях в коми диалектах (Wichmann 2001). Созначения в словаре Ю. Вихмана и Т. Уотилы, существующие в речи носителей разных диалектов, представлены в таблице.

Как показано в таблице (с. 56), выделенные созначения часто пересекаются, делая лексикографическое описание крайне мозаичным.

Определенное соотношение наблюдается у созначений и особенностей бытования легенд о чуди, зафиксированных у носителей коми-зырянских диалектов. Так, фольклорист Ю. Г. Рочев записанные легенды о чуди подразделяет по географическому принципу на три

	Толкование	Распространение
1	дикий, неумный, исчезнувший народ, закопавший себя в землю	бассейн р. Вычегда, местности возле г. Сыктывкара
2	захоронившийся в своих городищах народ, от которых остались следы, они закопали себя, чтобы врагам не достались их богатства	бассейн р. Сысола, местности возле с. Визинга
3	древний народ определенной местности, села	бассейн р. Луза, с. Ношуль, коми-пермяцкое село Трунова
4	древний народ, живший на территории коми-зырян, говоривший по-коми, это зыряне-язычники	бассейн р. нижняя Ижма, местность возле с. Краснобор
5	неизвестный народ, живший на территории коми-зырян, одни из которых захоронили себя в земле, другие бежали на Север, оставив после себя курганы с богатством и деньгами	
6	пейоративное значение 'нелюдимый, дикий'	бассейны рек Вымь, Сысола

группы: в центре расселения древних коми (на Выми, нижней Вычегде и средней Сысоле) преобладают легенды о самопогребенной чуди, на окраинах (Вашка, Вишера, верхняя Вычегда) — сюжеты о чуди, убегавшей от проповедников православия, а на землях позднейшего расселения — легенды о чуди со сверхъестественными свойствами или воспринимаемой как ушкуйники или враги (Рочев 1985 : 7).

Так словари коми языка представляют семантику многозначного этнонима *чудь* с разной степенью полноты; наиболее подробное описание дано в словаре Ю. Вихмана и Т. Уотилы (Wichmann 1942 : 304—305). Однако полную дескрипцию семантики может дать лишь анализ текстовых употреблений этнонима в фольклорных и художественных произведениях, устной речи, научно-популярной литературе.

Происхождение этнонима и его значения в русском языке

Значение слова *чудь* в русском языке определяется как общее название некоторых западнофинских племен в Древней Руси (Ожегов 1986 : 771). В позднее средневековье оно имело уже расширенное значение 'нерусское население Русского Севера, в основном некрещеные люди' (Белых 1996 : 48). Об этимологии *чудь* имеется несколько мнений. По наиболее распространенному, основа возводится к саамскому или к древнегерманскому корню: славяне переняли слово из готского языка как 'неславянский северный народ' (Аникин 1997 : 698). По мнению Ю. Мягистэ, *чудь* имеет значение 'клин', как и этноним *vatja / vadja* (*водь*) (см. Туркин 1985 : 15). С. К. Белых считает, что слово *чудь* проникло в коми диалекты не ранее XI в. (1996 : 49). Ю. Вихман и Т. Уоти-

ла (Wichmann 1942 : 305), а также М. Фасмер отмечали, что оно попало в коми язык от русских (1987 : 378). Историки не сомневаются, что под Заволоцкой чудью подразумеваются вепсские и карельские племена, в древности занимавшие обширные территории.

Семантику рус. *чудь* на основании исторических документов подробно раскрыл А. И. Попов (1973 : 68—72) в известной книге о названиях народов СССР. В древних летописях и грамотах слово *чудь* обозначало конкретно эстонские племена, затем в устной речи древних новгородцев значение расширилось до обозначения прибалтийско-финских племен в целом, а уже потом в результате расселения северных русских к Уралу и далее в Сибирь до Дальнего Востока «слово стали применять ко всем остаткам древности, происхождение которых было им неизвестно или неясно» (Попов 1973 : 69). На этой основе возникли предания о чуди белоглазой, «как о древнем исчезнувшем народе, «закопавшемся в землю», которые широко распространены на всем русском Севере, а также среди коми и части саамов, у которых *чуде*, *чутте* означает врага (в сказках)» (Попов 1973 : 71). Таким образом, коми заимствовали от русских переселенцев как слово *чудь*, так и предания о них. Вполне вероятно, что уже тогда *чудь* не имело точного значения «прибалтийско-финские народы», а обозначало чужие, а затем уже некрещеные племена, не говорившие по-русски. Об этом свидетельствует широкое распространение слова в русских диалектах. По А. Е. Аникину (1997 : 697), одинаковые легенды о чуди повсеместно распространены у сибирских русских, причем в их языке *чудь* обозначает уже все сибирские нерусские народности. Интересно, что русские, проживающие по соседству с коми-зырянами, в своих легендах о чуди под чудью подразумевают коми-зырян, проживавших ранее на этих землях. Об этом вспоминает писатель Ю. Васютов, который слышал в молодости такие легенды на Пинеге, в с. Лешуконское Архангельской области (2004 : 11).

Однако есть и альтернативное объяснение: значение, указывающее на прибалтийско-финское содержание этнонима, могло исчезнуть, выветриться в течение многих веков после прекращения прибалтийско-финско-коми языковых контактов. Реальность этого предположения основывается на существовании около 70 традиционно выделяемых прибалтийско-финских лексических заимствований в коми диалектах, по подсчетам же А. И. Туркина, таких заимствований 104 (1985 : 14). Ю. Вихман, написавший первую работу о коми-карело-вепсских языковых контактах в 1920 г., выделил наиболее бесспорные заимствования в коми диалектах (*агас* 'борона', *карандыс* 'коромысло', *люс'ка* 'ложка', *кас'* 'кошка'), определил период непосредственных контактов — X—XI вв., уточнив, что на Нижней Вычегде и ее притоках, на Пинеге карельское население постепенно обрусело после основания городов Гледен и Великий Устюг (Wichmann 2001 : 150—151). Кстати, у города Великий Устюг сохранилось коми название *Югдін*, что переводится как 'место у р. Юг'. Значит, на контактных территориях могло проживать смешанное карельско-коми население. По А. И. Туркину (1985 : 14), межъязыковые контакты продолжались до XIV—XV вв. Впоследствии исследователи уточняли количество карельских заимствований в коми языке (Lakó 1936 : 318—320; Лыткин 1963 : 3—11;

Игушев 1979 : 56—57; Туркин 1985 : 14—17 и др.). Былое наличие прибалтийско-финско-коми контактов на определенных территориях очерчивает западные контуры области обитания древних коми, что дает необходимые сведения для определения этногенеза коми-зырян (Цыпанов 2015б : 179, 187). Кстати, М. Хаавио в 1965 г. в известной работе о легендарной Биармии вепсов и территорию их проживания тоже включал в восточную часть этой страны, ссылаясь на легенды, распространенные среди русских, коми-зырян и ненцев о закопавшейся чуди (см. Haavio 2018 : 252—253).

Тем не менее, и в современных условиях у носителей коми диалектов нет конкретных ассоциаций с этнической семантикой слова *чудь*, указывающей на прибалтийско-финские народы.

Семантика слова в современном коми языке

Лексическую систему языка характеризует постоянное пополнение как лексем, так и изменение семантического объема, структуры созначений, развитие производных созначений в трех направлениях: сигнификативный перенос, денотативный перенос и синекдоха, перенос на отношении «часть — целое» (Левицкий 2008 : 149—150). В основу выделения основного и неосновных значений, а также выявления динамики семантики в статье заложено понятие лексико-семантического варианта (ЛСВ) в понимании А. А. Уфимцевой: «Лексико-семантический вариант слова является основной, предельно малой знаковой единицей, реально функционирующей в речи, в то время как слово-комплекс (лексема) представляет в плане речи коммуникативного аспекта сугубо абстрактную единицу структуры вокабуляра, обобщение существующих в данный период языка реализаций, употреблений данного слова» (2011 : 77).

В современном коми-зырянском литературном языке можно выделить не менее шести ЛСВ слова (расположение и переходы представлены в заключении).

- ЛСВ 6. Речь идет о привнесенном созначении, совпадающем с семантикой этнонима в русском языке. Слова в таком значении употребительны в текстах научного стиля — в работах по истории Севера России, например: *Но и сэтчӧдз нин, ёна важысянь, вӧвлі тайӧ ва туйыс, кодыр Двина кузя и море пӧлӧн овлісны ч у д ь йӧз племянаяс* (Чисталев 51) 'Но и до этого, уже издавна, был этот водный путь, когда по Двине и вдоль моря жили чудские племена'.

- ЛСВ 1. В основном созначении в народном сознании коми *чудь* представляется неким древним народом, проживавшим до появления коми в северных краях, это не коми, не прибалтийско-финские, а по языку не известные племена, оставившие многочисленные следы в коми топонимике: *Чудьгумыльк, Чудьгуяг, Чудьди, Чудькар, Чудьму, Чудьнюр, Чудьты, Чудью* (Туркин 1985 : 15). Такие топонимы в большинстве случаев зафиксированы в бассейнах рек Вычегда, Сысола, Луза и Мезень. Данный ЛСВ употребляется современными носителями языка, а также в литературных текстах. Примеры: — *Тани, матын и эм туй дорсяныс, Типӧ сиктад муніганыд аддзыланнӧд «Кар мыльк». Важӧн сәні овлӧмаӧсь, кыдз шуӧны, ч у д ь я с. «Кар мылькйыс»*

ч у д ь гу и эм: пытшкӧсыс тӧщӧ, вылас кӧ каян да кокнад зымган — брунакылӧ (Нёбдинса Виттор 54) 'Здесь, близко от дороги, по дороге в с. Типэсикт увидите городище. В древности, говорят, там жила чудь. Городище и есть чудское погребение: внутри пустота, если поднимешься и топнешь ногой — гул слышится'; *Овлӧмны пӧ коркӧ сэтшӧм войтыр — ч у д ь ӧ н шусьылӧмаӧсь; Татчӧ пӧ коркӧ важӧнтӧ гуасьлӧмаӧсь чудьяс* (Н. Куратова — ККЯ) 'Говорят, когда-то жил такой народ, чудью называли себя. Сюда мол раньше погребли, закопали себя чуди'.

• ЛСВ 2. Вместе с тем у слова *чудь* есть и иное созначение — перво-поселенцы конкретных коми сел, мест, это люди, не пожелавшие принять христианство и потому захоронившие себя в ямах или покинувшие родные места. По языку и происхождению это бывшее коми население. Первый коми романист В. Юхнин зафиксировал в Прилузском районе коми слова песни *чуди*, сходящих в ямы, от В. Н. Хотемовой, уроженки дер. Векшор: «*Прӧщай-прӧщай, чики ыбанӧй — Нянь чӧлпанайӧй. Прӧщай-прӧщай, Юсь-ты висканӧй — Ёдӧ юранӧй...*» (Юхнин 78) 'Прощай-прощай, подсежное поле — хлебный каравай. Прощай-прощай, Лебединое озеро-протока — голова леща'. Пример из художественной прозы: *Да, чудьясыс вӧллмаӧсь коми рӧдысь* (Г. Фёдоров — ККЯ) 'Да, чудь была коми по происхождению'. Традиция посещать чудские ямы-погребения устойчиво сохранялась в селах по р. Вымь, о чем есть воспоминания старожилов: *Тӧдӧс Опонь дядь Емва вывсьыс став ч у д ь гусӧ и тшӧкыда вайлывлӧс сэтсысь черьяс, пуртъяс, и весиг челядлы чачаяс — дӧддӧлӧм вӧвьяс. А Рӧдитель луньясӧ ыстывлӧс ныв-писӧ матыссаджык гуяс дорӧ (медся тшӧкыда Ыджыдъельса, либӧ Жигановскӧй дӧнӧ) вошӧдны-казытыштны найӧс. Челядлыс ӧшлӧсны пуясӧ пӧжаса да черинья дозмукьяс, пасьясисины да висьтвлӧсны: «На тэныд, чудь дядь, гӧснеч». Тыдалӧ, Опонь дядь пыдди пунктӧс гуалӧм, эскӧмсӧ вежтӧм войтырӧс* (Щанов 64) 'Знал дядя Опонь все чудские погребения по Выми и часто приносил оттуда топоры, ножи и даже детям игрушки — запряженных лошадей. А в родительские дни посылал своих детей к наиболее близким могилам (чаще всего около с. Ыджыдъель или Жигановское) помянуть их. Дети вешали на деревья коробки с выпечкой и рыбниками, отмечали места и говорили: «На тебе, дядя чудь, гостинец». Очевидно, дядя Опонь уважал захороненных людей, не изменивших своей вере'.

• ЛСВ 3. Пейоративное созначение. Исторически в коми-зырянских диалектах образовался пейоратив со значением 'чудик, забитый, трусливый, сторонящийся людей; странный, дикий, ненормальный человек', например, *Но и чудь тэ!* 'Ну и странный ты!'. Значение известно во всех диалектах (ССКЗД 418; КСК II 732). Пример: *Чудь кодь полысь* (КК 162) 'Трусливый как чудь'; *Чуд кодь сьӧд* (КК 162) 'Грязный как чудь'; *тэ ӧд йӧй чудь моз, йӧзсыс вӧрӧ, со пыран дзевсьыны* (Г. Фёдоров — ККЯ) 'ты ведь как дурная чудь, от людей в лес вот заходишь прятаться'. Вероятно, здесь отразилась многосторонняя отрицательная коннотация, связанная с осознанием некрещенных людей как людей низшего ранга, диких, темных, некультурных, которую веками навязывала прихожанам православная церковь. Известно также лексическое словосочетание *чуд мыр* 'грязнуля', оно зафиксировано в луз-

ко-летском диалекте, в говоре с. Летка Прилузского района (КСК II 732), букв. 'чудин пень'. Пейоратив *чудь / чуд* встречается в текстах коми драматургии, например: *Васькалӧн гӧлӧс: Тойышт, Ӧльӧксан, татчӧ. Ме сійӧс ч у д м о р т пыдди кута петкӧдлыны мӧдысь. Мишка. Асьныд эськӧ ті чудьяс!* (Юшков I 127) 'Голос Васьки: Толкни его сюда. Я его как человека чудь буду в другой раз показывать. Мишка. Сами вы чуди!'. Пейоративное созначение многим современным коми наиболее близко, знакомо, приходит сразу на память, по результатам анкетирования студентов-филологов Сыктывкарского университета.

• ЛСВ 4. Слово в коми-пермяцких диалектах имеет созначение 'нечистая сила, обитающая в лесах'. Очевидно, что и в южных зырянских диалектах оно наличествует, на что указывает употребление отдельными писателями: *Егорий бергӧдчис ӧшиньяльнь, вештыштис занавессӧ, чорзӧм гыжнас гыжйыштис йизьӧм стеклӧсӧ, видзӧдліс немьдас да друг шызьӧмӧн чукӧстис гӧтырсӧ: — Анют, волю, видзӧдлы! Видз вылын бипур, а сы гӧгӧр чудьяс йӧктӧны!* (Власов 42) 'Егорий повернулся к окну, одернул занавеску, твердым ногтем поцарапал заиндевшее стекло, взглянул в темноту и вдруг встревоженно позвал жену: — Анют, иди посмотри! На лугу костер, а вокруг него нечистые пляшут!'. Развитие такого ЛСВ шло по радиальному пути полисемии от ЛСВ 2.

• 5 ЛСВ. Романтизированное созначение, имеющее стилистически возвышенную коннотацию поэтизма, обозначает древний коми народ, коренной народ Коми края. Впервые такой поэтизм фиксируется в молодой коми поэзии 1920-х годов, когда наблюдался всеобщий национальный подъем, поэты искали в прошлом следы славных дел предков, обладавших более благородными, лучшими человеческими качествами. Пример: *Пармаса войтыр, ч у д ь-коми котыр, Тырмас нин жугыля овны!* (Жан Морӧс 23) 'Народ Пармы, чудь-коми сообщество, Хватит уже жить в печали!'. Стихотворение опубликовано в 1922 г. Однако в дальнейшем в советской поэзии это созначение не встречается вплоть до конца XX в., когда начался новый национальный подъем, сопровождавшийся известным мифотворчеством, поиском следов славного прошлого. И в этом отношении *чудь* стала восприниматься как воплощение многих лучших черт древних коми, таких как свободолюбие, независимость, упорство, нестигаемость перед приходом новых порядков (центральной княжеско-царской власти и насаждаемого силой православия). Примеры из стихов Геннадия Юшкова и Алексея Уляшева (перевод дословный):

*Чужан вирӧй, комиӧй,
Еджыд ч у д л ӧ н вир!
Видзан менӧ сӧстӧма,
Коз пуӧс кыз сир
(Юшков II 3)*

'Родная кровь моя, коми,
Кровь белоглазой чуди!
Хранишь меня чистым,
Как ель (хранит) смола.'

*Шань Пама мян овліс водзын тані,
Тан вӧлі коркӧ Ч у д ь л ӧ н топыд вуж.*

'Добрый Пама наш жил
раньше здесь,
Здесь был когда-то крепкий
корень Чуди.

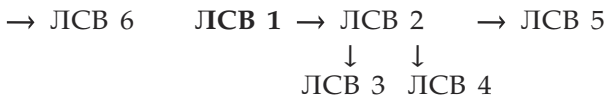
Быд мортлы керка мян — лунӧ бана, Каждому человеку дом наш
 — в сторону юга (приветлив)',
Лёк ногӧн овны коми нэм эз куж 'Жить по законам зла коми
 (Уляшев 44) никогда не умели'

Такое явление национальной переидентификации в литературе, чаще всего в поэзии, хорошо известно (например стихотворение Александра Блока «Скифы», где русских поэт наделяет особенностями легендарного степного народа скифов — <https://ilibrary.ru/text/1233/p.1/index.html>).

Известный коми краевед и общественник, руководитель генеалогического общества «Ордпу» М. Д. Игнатов называет себя и подписывается *Чуд Миш Игнаторд*, относя свой род к предку-хранителю языческих обрядов Чуду, см. также название его автобиографической книги «*Чуд Миш да Батя Власов и другие*» (Сыктывкар 2015). Однако этот ЛСВ употребляется лишь частью современной коми интеллигенции и в стихах поэтов. Коми, как прежде, так и сейчас, себя этнонимом *чудь* не называют.

Заключение

В отличие от очень краткого описания значения рассмотренного слова в последнем нормативном словаре коми литературного языка, действительный семантический объем лексемы достаточно ёмкий и реализуется в составе шести ЛСВ, из которых ЛСВ 6 заимствован из русского языка. Остальные исконные, развились от основного ЛСВ 1 путем номинативно-производного и номинативно-метафорического расширения, сопровождаемого денотативным сдвигом.

Существование и расширение разных ЛСВ своеобразно отражают исторические события, случившиеся в период долетописной истории коми: контакты с проживающими на территории нынешнего Коми края народами, с неизвестными или предположительно с предками карел и вепсов, христианизация коми-зырян, непростые отношения между коми, уже проживавшими в селах и деревнях, и коми, и прибывавшими туда в ходе миграций поселенцами. Между разными группами самих коми, возможно, тоже случались конфликтные ситуации, не без того.

Необходимо отметить, что выявленные созначения в устной речи употребляются крайне неравномерно: из-за исчезновения фольклорной традиции рассказывать легенды, предания многим представителям среднего и молодого поколения значения слова неизвестны, наиболее характерно для всех возрастов употребление слова в пейоративном созначении. В последние десятилетия все чаще отождествление древних коми как целого народа с легендарной чудью, прежде всего в языке поэзии. Прделанный анализ слова *чудь* еще раз доказывает диахронную подвижность лексической семантики, когда одни созначения утрачиваются, другие появляются, переходят одно в другое, что

обусловлено постоянными изменениями ролевых функций слова внутри высказывания.

Address

Jevgenij Cypanov

The Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre (Syktyvkar) of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Сокращения

лл. — лузско-летский; **скр.** — присыктывкарский; **сс.** — среднесысольский; **уд.** — удорский; **I** — ижемский; **L** — лузский; **P** — коми-пермятский; **S** — сысольский; **U** — удорский; **V** — вычегодский.

Власов — А. В л а с о в, Динозавр кольк. — Войвыв кодзув 2007, № 7, 36—42; **Жан Морёс** — Ж а н М о р ё с (И. Т. Чисталев), Пармаса войтыр, чудь-коми котыр. — Коми му 2013, 5 мая, № 35, 23; **КК** — Ф. М. П л е с о в с к и й, Коми кывтэчасъяс (Коми фразеологизмы), Сыктывкар 1986; **ККЯ** — Корпус коми языка. www.komiconproga.ru; **КРК** — Л. М. Б е з н о с и к о в а, Е. А. А й б а б и н а, Р. И. К о с н ы р е в а, Коми-роч кывчукёр, Сыктывкар 2000; **КСК** — Л. Н. Б е з н о с и к о в а, Е. А. А й б а б и н а, Н. К. З а б о е в а, Р. И. К о с н ы р е в а, Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка I—II, Сыктывкар 2012—2014; **Нёбдинса Виттор** — Н ё б д и н с а В и т т о р, «Мусюр» сайын. — Войвыв кодзув 2018, № 11, 52—88; **Уляшев** — А. У л я ш е в, Ме — коми морт. — Войвыв кодзув 2018, № 1, 44; **Чисталев** — В. Ч и с т а л е в, Кардор. — Войвыв кодзув 2007, № 4, 51—54; **Щанов** — А. Щ а н о в, Опонь дядь. — Войвыв кодзув 2001, № 8, 63—66; **Юхнин** — В. Ю х н и н, Мураши тракт. — Войвыв кодзув 2017, № 1, 73—80; **Юшков I** — Г. Ю ш к о в, Кыськó тай эмóсь, Сыктывкар 1983; **Юшков II** — Г. Ю ш к о в, Коми ёрд. — Войвыв кодзув 2006, № 1, 3.

ЛИТЕРАТУРА

- А н и к и н А. Е. 1997, Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков, Новосибирск.
- Б е л ы х С. К. 1996, Чудь в этнической истории пермских народов. — Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. I, Сыктывкар, 48—51.
- В а с ю т о в Ю. 2004, Дженъдик висъгъяс. — Войвыв кодзув, № 7, 7—13.
- И г у ш е в Е. А. 1979, Карело-вепские элементы в коми языке. — Тезисы XVII Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 56—57.
- Л е в и ц к и й Ю. А. 2008, Общее языкознание, Москва.
- Л ы т к и н В. И. 1963, К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах. — Прибалтийско-финское языкознание, Москва—Ленинград (Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 39), 3—11.
- Л ы т к и н Г. С. 1931, Русско-зырянский словарь. Ро́ча-комиа кылчукёр. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова, Ленинград.
- О ж е г о в С. И. 1987, Словарь русского языка, Москва.
- Р о ч е в Ю. Г. 1985, Национальная специфика коми преданий о чуди, Сыктывкар (АН СССР. Коми филиал. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 134).
- Т у р к и н А. И. 1985, Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики, Таллин (Препринт ИЯЛ-31).
- У ф и м ц е в а А. А. 2011, Типы словесных знаков, Москва.
- Ф а с м е р М. 1987, Этимологический словарь русского языка. Т. 4, Москва.
- Ц ы п а н о в Е. А. 2015а, Незафиксированные отэтнонимические слова-пейоративы в коми языке. — Диалекты и история пермских языков во взаи-

- модействии с другими языками. Сборник статей, Ижевск (Пермистика 15), 334–342.
- — 20156, Модифицированная модель лингвоэтногенеза пермян. — CIFU XII. Plenary Papers, 150–177.
- Цыпанов Е. 2018, Переход имен собственных в нарицательные в коми языке. — LU LIV, 118–128.
- Fokos-Fuchs, D. R. 1959, Syrjänisches Wörterbuch II, Budapest.
- Haavio, M. 2018, Bjarmien vallan kukoistus ja tuho, Helsinki.
- Lakó, Gy. 1936, Syrjänisch-wepsische Lehnbeziehungen. — UJb. Band XV, Heft 2–3, 318–320.
- Wichmann, Y. 1942, Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Bearbietet und herausgegeben von T. E. Uotila, Helsinki (LSFU VII).
- Wichmann, Y. 2001, Syrjäanit ja karjalaiset. — Castrénin perilliset. Helsingin yliopiston suomen ja sen sukukielten professorit 1851–2001, Helsinki, 144–153.
- Wiedemann, F. J. 1880, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register, St. Petersburg.

JEVGENI TSÖPANOV (Söktövkär)

KOMI SÕNA чудь TÄHENDUSED

Sõna *чудь* on vene laen, mida kasutatakse selle vene keelest tulnud tähenduses 'mingi läänemeresoome rahvas' harva ainult komi kirjakeeles, kuid kõnekeeles ja murretes on see tähendus peaaegu tundmatu. Komi sõnaraamatutes ja tekstides on seda tarvitatud viies tähenduses: 1. 'tundmatu kadunud rahvas'; 2. 'komilased, kes vanasti ei tahtnud vastu võtta ristiisku ja seetõttu endid peitsid ja varjasid'; 3. pejoratiivselt: 'hirmunud, arg, inimpelglik, veider, imelik, metsik, ebanormaalne inimene'; 4. permikomi: 'metsas elutsev kuri vaim'; 5. komi rahva poeetilise nimetusena. Teine tähendus on välja arenenud esimesest ning kolmas, neljas ja viies tähendus teisest.